

В.И. Шенрок

Материалы для биографии Гоголя

Том 4. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Шенрок**
Материалы для биографии Гоголя: Том 4. Часть 1 / В.И. Шенрок – М.: Книга по Требованию, 2014. – 466 с.

ISBN 978-5-517-98644-3

ISBN 978-5-517-98644-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

быть изложены въ строжайшей хронологической послѣдовательности.

Для исполненія нашего плана въ желаемыхъ размѣрахъ было бы весьма важно возможно-широкое обсужденіе въ печати нѣкоторыхъ трудныхъ и спорныхъ вопросовъ, съ которыми мы встрѣчаемся при изученіи жизни Гоголя¹⁾. Вѣдь дѣло идетъ о писателѣ великомъ, капитальномъ, а не о какомъ-нибудь забытомъ романистѣ вродѣ Маркевича. Въ предлагаемомъ томѣ напр. мы старались представить возможно болѣе полное и цѣльное, на основаніи имѣющихся фактовъ, разъясненіе постепеннаго созрѣванія въ Гоголѣ мистицизма (для чего внѣшніе факты, не имѣющіе отношенія къ данному вопросу въ промежутокъ 1840—1842 годовъ, были особо рассмотрѣны въ предыдущемъ томѣ); далѣе мы старались объяснить и разграничить въ Гоголѣ борьбу мистической самоувѣренности (которую отличаемъ отъ обыкновенной гордыни) съ мучительными сомнѣніями въ себѣ, и въ связи съ этимъ въ послѣднюю недѣлю его жизни борьбу ужаса передъ загробной отвѣтственностью съ упорнымъ желаніемъ умереть и т. п. Но было бы слишкомъ самоувѣренно съ нашей стороны считать предлагаемое объясненіе происходившаго въ душѣ Гоголя сложнаго психологическаго процесса окончательнымъ и безусловнымъ рѣшеніемъ столь трудной задачи²⁾. При всемъ томъ смѣемъ надѣяться, что тща-

1) Здѣсь мы имѣли бы въ виду не однихъ даже представителей литературной критики, но чрезвычайно любопытно и желательно было бы знать также взгляды по даннымъ вопросамъ специалистовъ психологій и даже богословія (особенно объ отношеніи возрѣній Гоголя къ истинному пониманію ученія церкви). Предлагаемая ниже вступительная глава только затрогиваетъ многое, что разсматривается потомъ подробнѣе и что могло бы вызывать разноія мнѣнія и даже полемику между специалистами-психологами.

2) Само собою разумѣется, что еще труднѣе съ точностью установить фазисы постепенно совершавшагося перелома, и, приводя по этому вопросу соображенія близкихъ къ Гоголю лицъ, мы смотримъ на нихъ лишь какъ на *матеріалъ* для его разрѣшенія не отвѣчая за естественное и неизбѣжное разно-

тельно собранные материалы должны подвинуть впередъ дѣло изученія нашего писателя и во всякомъ случаѣ устранить апріорныя или основанныя на слишкомъ недостаточномъ и отрывочномъ изученіи лжетолкованія характера Гоголя и значенія его «Переписки съ друзьями»¹⁾).

Въ виду слишкомъ разросшагося объема книги намъ пришлось отказаться отъ помѣщенія хронологической канвы и отъ изложенія нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣютъ большого значенія или были уже попутно изложены у Н. С. Тихонравова въ его «примѣчаніяхъ редактора», — причемъ на нихъ вездѣ дѣлаются точныя указанія, — также отъ обзора статей, вызванныхъ извѣстной поддѣлкой второго тома «Мертвыхъ Душъ» (этотъ обзоръ могъ бы имѣть мѣсто въ приложеніяхъ), а въ алфавитномъ указателѣ — указаній къ приложеніямъ. Но перепискѣ, вызванной «Выбранными Мѣстами» и касающейся болѣзней и лѣченія, мы отвели довольно мѣста, желая также и другимъ дать возможность дополнять изученіе біографіи Гоголя.

При всемъ стремленіи къ полнотѣ въ изложеніи біографическихъ фактовъ, мы чувствовали себя, однако, въ нѣкоторой зависимости отъ находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ, причемъ особенно жалѣемъ о пропажѣ чрезвычайно важныхъ писемъ къ Гоголю о. Матвѣя, также объ отсутствіи воспоминаній о первыхъ годахъ жизни нашего писателя въ Петербургѣ, о жизни

гласіе и не смущаясь неуловимостью оттѣнковъ. Такъ въ 1848 г. Данилевскій не замѣчалъ перемѣны въ Гоголѣ, но, *давая себѣ отчетъ позднѣе* въ «переломѣ», онъ находилъ признаки его и въ гораздо болѣе раннее время. Но такъ всегда бываетъ въ жизни (См. ниже, 207—208). Притомъ мнѣнія эти высказывались не психологами и спустя десятки лѣтъ послѣ событій.

1) Мнѣнія, конечно, всегда останутся неодинаковыми, но можно желать обсужденія «Переписки съ друзьями» уже въ связи съ біографическими данными, а не на основаніи произвольныхъ личныхъ соображеній.

его въ сороковыхъ годахъ въ семьѣ Жуковскаго за границей и въ пятидесятыхъ — въ семьѣ графа А. П. Толстого въ Москвѣ. Жалѣемъ также, что за отсутствіемъ данныхъ не могли полнѣе очертить отношенія Гоголя къ менѣе близкимъ его пріятелямъ, напр. кн. Вяземскому¹⁾ и кн. Одоевскому, затѣмъ къ П. Ф. Павлову, одному изъ *кредиторовъ* Гоголя и въ то же время его постоянному недоброжелателю, въ свою очередь не любимому Гоголемъ; наконецъ къ П. В. Нащокину, почти совсѣмъ не знакомому съ нашимъ писателемъ, но котораго тѣмъ не менѣе Гоголь, хорошо зная по слухамъ о его разгульной жизни, считалъ возможнымъ съ своей особой точки зрѣнія рекомендовать въ наставники къ дѣтямъ Бенардаки (кромѣ относящагося сюда письма Гоголя къ Нащокину, напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ»²⁾), мы рѣшительно ничего не нашли для разъясненія этого факта, вслѣдствіе чего и опустили этотъ эпизодъ въ нашемъ разсказѣ).

Еще нѣсколько замѣчаній во избѣжаніе мелочныхъ придирокъ³⁾. — Считаемъ нужнымъ во-первыхъ обратить вниманіе на различіе *истинной религіозности*, которую мы признаемъ въ Жуковскомъ и Шереметевой, и ея уклоненіями въ мистицизмъ и фанатизмъ (у Гоголя, гр. А. П. Толстого, о. Матвѣя и проч.) Далѣе, находя въ нѣкоторыхъ случаяхъ Гоголя недостаточно дипломатичнымъ, мы признаемъ его безусловно искуснымъ и тонкимъ дипломатомъ въ сравненіи съ младенцемъ по отношенію къ жизненному опыту А. А. Ивановымъ. Мы не отрицаемъ, что иные друзья Гоголя

1) Любопытно напр., что Гоголь высказывалъ желаніе, чтобы Вяземскій взялъ на себя трудъ составить полную біографію императрицы Екатерины II (Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 871).

2) См. „Русск. Арх.“, 1878, I, стр. 76—80.

3) Былъ одинъ примѣръ весьма мелочныхъ и неосновательныхъ придирокъ, на которыя я вынужденъ былъ отвѣтить въ томъ томѣ.

воскуряли ему еиміамъ, но не согласны эту черту признавать исчерпывающей сущность ихъ взаимныхъ отношений. Мы утверждаемъ, что задушевность и простота Шереметевой заставляли обыкновенно забывать о ея странностяхъ, но въ то же время должны сообщить, что А. О. Смирнову названныя качества не удержали отъ насмѣшекъ надъ почтенной старушкой. Говоря о ссорѣ Гоголя съ Погодинымъ, я употребляю иногда, быть можетъ, безъ строгаго разграниченія слова: «ссора» и «размолвка». На стр. 26, говоря, что по взгляду Аксаковыхъ, для Гоголя не должны были существовать въ Петербургѣ Бѣлинскій, Краевскій и Полевой, я имѣю въ виду не столько указаніе личностей, сколько *литературнаго круга*, такъ какъ Полевой не былъ собственно ни знакомымъ, ни доброжелателемъ Гоголя¹⁾. — Опровергать мелочныя придирки не трудно, какъ это и сдѣлалъ я въ приложеніи ко второму тому (стр. 385—403), но заниматься подобными препирательствами дѣло слишкомъ неблагодарное²⁾.

Для не интересующихся подробностями мы имѣемъ въ виду черезъ нѣкоторое время предложить сокращенное изложеніе составленной нами біографіи, въ *одномъ томѣ*, съ удержаніемъ всего наиболѣе существеннаго.

¹⁾ Сопоставленіе это принадлежитъ самому С. Т. Аксакову и я, упоминая объ этихъ лицахъ, имѣлъ въ виду *его собственныя слова* („Русск. Архивъ“, 1890, VIII, стр. 107).

²⁾ Въ одномъ случаѣ, именно въ вопросѣ о точномъ установленіи времени сватовства Гоголя къ А. М. Віельгорской, впрочемъ, дѣйствительно трудно устранить сбивчивость и колебанія, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, который по самому своему существу *былъ особенно тщательно скрываемъ*

Н. В. ГОГОЛЬ.
ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.
1842—1852.

Матеріалы для біографіи Гоголя.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

1842—1852.

I.

Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ печальную картину медленнаго, но тяжелаго и упорнаго процесса физическаго разрушенія на ряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза. Цѣлью было бы повторять избитую легенду о сумасшествіи Гоголя, такъ долго державшуюся въ публикѣ; но нельзя въ то же время отрицать несомнѣнное нарушеніе въ немъ за послѣдніе годы, въ связи съ физическимъ разстройствомъ, и душевнаго равновѣсія. Никто изъ короткихъ знакомыхъ Гоголя не признавалъ въ немъ безусловно психическаго разстройства, хотя иные, какъ С. Т. Аксаковъ, считали его возможнымъ въ будущемъ; но съ другой стороны не было также никого, кто бы рѣшился утверждать, что въ послѣдніе годы не замѣчалось въ Гоголѣ чрезвычайно рѣзкой переменъ, и это впечатлѣніе современниковъ не можетъ быть не принимаемо въ расчетъ при сужденіи о послѣднихъ годахъ Гоголя¹⁾. Однимъ словомъ, усиленіе въ немъ душевныхъ недуговъ и страданій *безспорно*, но дошло ли оно до степени, предполагаемой многими — это большой вопросъ.

Самъ Гоголь, безъ сомнѣнія, очень чувствовалъ и постоянную потерю силъ и упадокъ творчества. Трудно только сказать, насколько происходила въ немъ борьба надежды съ отчаяніемъ, потому что послѣднее охватывало его только изрѣдка — и весьма не надолго, въ самыя критическія минуты, тогда

¹⁾ Ниже мы приведемъ рассказы о томъ, что Гоголь иногда въ послѣдніе годы оживлялся и шутилъ, но это показываетъ только, что психическая болѣзнь не достигла въ немъ крайней степени развитія, и въ этомъ смыслѣ мы утверждали и повторяемъ это, что, по нашему мнѣнію, объ умственномъ разстройствѣ его не можетъ быть рѣчи.

какъ въ обыкновенное время, благодаря сильному религіозному чувству, онъ умѣлъ изумительнымъ образомъ поддерживать въ себѣ бодрость, не смотря ни на что. Какъ бы ни было ужасно настоящее, въ его воображеніи всегда рисовалась лучшая пора въ будущемъ, вопреки всякой очевидности; прибѣгая за утѣшеніемъ къ религіи, Гоголь готовъ былъ скорѣе ждать чуда, нежели безстрашно представить себѣ весь ужасъ своего положенія. До знаменитой катастрофы, постигшей „Переписку съ друзьями“, Гоголь бодро смотрѣлъ впередъ и мужественно переносилъ всѣ испытанія, не теряя ни на минуту увѣренности въ успѣшномъ совершеніи предстоящаго ему подвига; если у него и бывали колебанія, и страхъ за себя и за исполненіе завѣтной цѣли всей жизни, то въ сущности это настроеніе никогда не являлось въ такой степени опредѣлившимся, чтобы оно исключало надежду на возможность внезапнаго измѣненія дѣла помощью благодати Божіей и чудеснаго обновленія его силъ и способностей¹⁾. Если въ глубинѣ души и зарождалось иногда сомнѣніе, то сила вѣры всегда превозмогала его. Послѣ „Переписки“ Гоголь уже утратилъ въ значительной степени поддерживавшее и воодушевлявшее его самообольщеніе, но привычная ассоціація идей все-таки сохраняла надъ нимъ свою полную власть, и онъ, уже отступившись отъ многихъ своихъ надеждъ, нисколько не сдавался въ главномъ, продолжая упорно надѣяться на совершеніе съ Божіей помощью задуманнаго дѣла, но уже безъ „прежнихъ излишествъ“. Всѣ свои неудачи онъ приписывалъ только внѣшнимъ причинамъ и неумѣнью взяться за дѣло, а дѣло это, т.-е. преслѣдуемая имъ задача оставалась та же. Гоголь совсѣмъ уже изнемогалъ въ неравной борьбѣ, творчество его готово было совсѣмъ изсякнуть, работа не двигалась впередъ, но онъ жилъ убѣжденіемъ, что могущественная воля Божія можетъ сразу все измѣнить. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ на основаніи вполне достовѣрнаго источника, приведу слѣдующія слова о Гоголѣ покойнаго П. В. Анненкова, видѣвшаго его въ послѣдній разъ уже незадолго до его смерти: „Гоголь тогда все еще готовилъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. По крайней мѣрѣ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно начало письма къ Анненкову изъ Остенде въ августѣ 1847 г. (см. «Анненковъ и его друзья», стр. 503).

на мое замѣчаніе о нетерпѣливости всей публики видѣть завер-
шеннымъ наконецъ его жизненный и литературный подвигъ
вполнѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ довольнымъ и многозначительнымъ
голосомъ: „Да вотъ попробуемъ!“ Я нашелъ его гораздо
болѣе осторожнымъ во мнѣніяхъ послѣ страшной бури, вы-
званной его „Перепиской“, но *все еще оптимистомъ въ высшей
степени* и едва понятнымъ для меня¹⁾.

Какъ большинство больныхъ, Гоголь находилъ особую
отраду въ бесѣдахъ съ другими страдальцами, италъ къ нимъ
самое искреннее расположеніе и тотчасъ обращался всей
душой къ тому, кто скорбѣлъ объ утраченномъ навѣки здо-
ровьѣ или вообще о какихъ-нибудь непріятностяхъ и огор-
ченіяхъ. Примѣровъ въ перепискѣ можетъ быть указано
множество; вотъ одинъ изъ болѣе любопытныхъ. Послѣ цѣ-
лаго ряда не совсѣмъ пріятныхъ писемъ отъ Шевырева,
изъ которыхъ въ одномъ даже „заключалась и журьба, и
что-то въ родѣ не совсѣмъ отчетливаго нагоняя“²⁾, Гоголь
неожиданно получилъ болѣе спокойное письмо, но наполнен-
ное жалобами и недовольствомъ на состояніе современной
литературы. Гоголь тотчасъ же почувствовалъ живѣйшую по-
требность подѣлиться своими взглядами, сказать слово утѣ-
шенія и потолковать на любимую тему о самовоспитаніи.
Все доводы Гоголя совершенно гармонируютъ съ его то-
гдашнимъ міросозерцаніемъ и не могутъ быть не признаны
искренними. Вотъ что онъ пишетъ: „Твое чувство непріятно,
и мнѣ оно вполнѣ знакомо³⁾. Но является оно тогда, когда
приглядываешься больше, чѣмъ слѣдуетъ, къ этому кругу;
а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это
на минуточку, все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься: ужъ на
мѣсто одного — другое: сегодня гегелисты, завтра шеллин-
гисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Что жъ дѣлать? уже
таково стремленіе общества быть какими-нибудь истами. Чело-
вѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ;
пусть его бѣжитъ: такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые по-
ставлены стоять недвижно у огней истины, если они увле-
кнутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы
образумить тѣхъ, которые мчатся. *Хороводъ этотъ кружится,*

1) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 515.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 12.

3) «Русская Старина», 1875, IX, 118—119.

кружится, а наконецъ можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, идѣ огни истины. Что жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей, и если увидятъ, что святые огни пылаютъ неполнымъ свѣтомъ? Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары. Человѣку, рожденному съ силами бѣльшими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, *глубоко воспитать себя*". Такъ смотрѣлъ на свое призваніе и на цѣль своей жизни нашъ мистикъ еще задолго до „Переписки съ друзьями“, явившейся потомъ результатомъ этого міровоззрѣнія. Все, что занимало умы современнаго человѣчества, казалось Гоголю не болѣе какъ дѣйствіемъ моды и безтолковымъ толченіемъ на мѣстѣ. Себя онъ считалъ, напротивъ, призваннымъ всецѣло посвятить „утвержденію вѣчнаго и охраненію огня истины“. Но причиной такихъ невѣроятныхъ утопій могло быть вовсе не *помъшательство*, а просто недостатокъ образованія и нѣкоторая *ограниченность понятій*. Ею коренная ошибка происходила отъ *поразительно-смутнаго представленія о движеніи науки, о прогрессѣ и проч. и возникшей на почвѣ этого недоразумѣнія фантастической самоувѣренности*. Здѣсь впрочемъ не было также особенной гордыни, такъ какъ не столько самомнѣніе сбилось съ толку великаго писателя — онъ вѣдь хотѣлъ только исполнить свой долгъ, направивъ даръ на „утвержденіе вѣчнаго“, не имъ открытаго, а давно извѣстнаго всѣмъ изъ Евангелія — по его сгубилъ недостатокъ образованія и *неимоверно легкомысленно-наивное представленіе объ „устахъ“ и „умникахъ“*¹⁾. Къ этому злу присоединилось еще горшее — крайняя болѣзненность организма.

Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, виноваты были въ извѣстной степени также друзья и знакомые, изъ которыхъ нные

¹⁾ „Русск. Стар.“, 1875, IX, 118—119. Впослѣдствіи бывали минуты, когда Гоголь начиналъ колебаться въ томъ, что избралъ вѣрный путь для совершенствованія на литературномъ поприщѣ; см. напр. „Русск. Жизнь“, 1892, № 78: „Умъ мой былъ не глупъ. Умъ мой совѣтовалъ мнѣ хорошо. Онъ мнѣ совѣтовалъ дѣлать свое дѣло, не смущаясь ничѣмъ, ни съ кѣмъ не входить въ изъясненія, не выдавать ничего въ свѣтъ, пока не придетъ въ такое состояніе, когда твои строки будутъ стоять печатя“ и проч. Но и въ этихъ словахъ, какъ и слѣдующихъ за ними, видны односторонность и заблужденіе, настолько сильныя, что, можетъ-быть, и во время этихъ колебаній Гоголю уже поздно было отказаться отъ мистицизма. Въ томъ же цитированномъ письмѣ см. оригинальныя разсужденія Гоголя объ умѣ.